

Научная статья  
УДК 325:94  
doi: 10.17223/2312461X/49/6

## Бюрократический, научный и вернакулярный тезаурус депортации армян 1949 г.

Гаяне Арутюновна Шагоян

*Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения, gayashag@yahoo.com*

**Аннотация.** Представлен анализ депортации армян в рамках советской операции «Волна» в июне 1949 г., в результате которой около 19 тысяч человек были высланы из Армянской ССР, Грузии, Азербайджана и Черноморского побережья в Сибирь. Автор рассматривает этот случай как феномен, не вписывающийся в существующие классификации советских репрессивных практик, и исследует, как бюрократический, научный и вернакулярный языки формировали восприятие и репрезентацию этой травмы. Показано, что категории, в которых фиксировалась «контингентность» депортируемых («дашнаки», «легионеры», «репатрианты» и др.), имели не только административную, но и идеологическую функцию, в то время как для самих депортированных эти определения часто были непонятны или отвергались. Автор исследует, как такие идентификационные ярлыки трансформировались в личных рассказах, устных историях и семейных архивах, а также как формировались мемориальные практики вокруг темы депортации. Исследование опирается на полевые материалы, в том числе интервью и визуальные источники, собранные в рамках проекта *Armenia Total(itar)is*, и прослеживает различия в мужских и женских нарративах, в отношении к памяти и способах ее сохранения. Отмечено, что в условиях отсутствия официальной политики памяти о депортации инициатива коммеморации исходила, как правило, от самих репрессированных и их потомков. Через анализ практик хранения, рассказывания и визуального оформления памяти демонстрируется, как память о депортации интегрируется в более широкий мемориальный ландшафт Армении, наряду с памятью о геноциде армян и Великой Отечественной войне, заимствуя их символический язык и формы представления. Раскрывается, каким образом депортационный опыт и его репрезентации отражают не только индивидуальные и семейные стратегии переживания травмы, но и политические и культурные трансформации в постсоветском армянском обществе.

**Ключевые слова:** депортация армян, коммеморативные практики, контингентность, репрессии, вернакулярная память, семейный архив

**Для цитирования:** Шагоян Г.А. Бюрократический, научный и вернакулярный тезаурус депортации армян 1949 г. // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 106–130. doi: 10.17223/2312461X/49/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/49/6

## Bureaucratic, Scholarly, and Vernacular Thesaurus of the Deportation of Armenians in 1949

Gayane A. Shagoyan

*Institute of Archaeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences,  
Yerevan, Armenia, gayashag@yahoo.com*

**Abstract.** The article analyzes the deportation of Armenians during the Soviet operation “Wave” in June 1949, which resulted in the exile of about 19,000 people from the Armenian SSR, Georgia, Azerbaijan, and the Black Sea coast to Siberia. The author sees this case as a phenomenon that does not fit existing classifications of Soviet repressive practices and explores how bureaucratic, scholarly, and vernacular languages shaped the perception and representation of this trauma. It is shown that the categories defining deportee “contingency” (“Dashnaks,” “legionnaires,” “repatriates,” etc.) had not only administrative but also ideological functions, while for the deportees these designations were often unclear or rejected. The article explores how such labels were transformed in personal narratives, oral histories, and family archives, and how commemorative practices developed around the deportation. Based on field materials—interviews and visual sources collected within the *Armenia Total(itar)is* project—the article traces gendered differences in memory narratives, attitudes toward the past, and practices of preservation. In the absence of an official memory policy, commemoration was typically initiated by the repressed and their descendants. Through analysis of how memory was preserved, narrated, and visually framed, the article shows how the memory of the 1949 deportation integrates into Armenia’s broader memorial landscape, alongside memories of the Armenian Genocide and the Great Patriotic War, borrowing their symbolic language and representational forms. It demonstrates how the deportation experience and its representations reflect not only individual and family strategies of coping with trauma but also political and cultural shifts in post-Soviet Armenian society.

**Keywords:** Armenian deportation, commemorative practices, contingency, repression, vernacular memory, family archive

**For citation:** Shagoyan, G.A. (2025) Bureaucratic, Scholarly, and Vernacular Thesaurus of the Deportation of Armenians in 1949. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 106–130 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/6

Проблема массовых депортаций, как и собственно депортационный тезаурус в контексте советских репрессивных практик, на первый взгляд, кажется достаточно разработанной. В частности, благодаря работам Павла Поляна, появились классификации групп не только по «контингентности» (этнические, социальные, конфессиональные, политические), но и по мотивации депортаций (превентивные и карательные) (Полян 2001: 46). Их административный характер, выразившийся во включении людей в те или иные «контингенты», не только эссенцировал эти

категории, принцип принадлежности к которым нередко был непонятен самим депортируемым, но и нашел отражение как в научном дискурсе, так и в мемориальных практиках народов, затронутых операциями массовых принудительных переселений.

Для одних народов сюжет тотальной депортации стал метанарративом и сегодня отмечается в республиках актами массовых публичных мероприятий. В других случаях депортации на этнической основе хотя и осознаются как таковые, обсуждаются среди небольших групп этнических активистов и исследователей, но не превращаются в общенациональный нарратив. И, наконец, есть примеры массовых депортаций, определение контингентности которых усложняется из-за разных принципов формирования групп, на которые распространились репрессивные операции (например, одновременно социальные и политические контингенты или «по подданству», но при этом не этнические), что недостаточно разработано в научных классификационных делениях. Иногда они определяются как комбинированные или смешанные депортации. Но для самих депортированных подобные разночтения и множественные принципы группирования усложняют собственное позиционирование к этому историческому и биографическому факту, включая коммеморативные практики. Как самим депортированным, так и их потомкам в этих случаях сложно сориентироваться, в какой публичный дискурс можно включить проговаривание своего опыта или с какой из признанных коллективных травм можно его соотнести.

В рамках данной статьи на примере депортационной кампании 1949 г. «Волна» попробую обрисовать сложности, несовпадения и наложения разделительных линий между депортируемыми группами, исходя из перспективы советской администрации, научного дискурса о депортациях и языка описания жертв депортаций. С учетом того, что этот язык формируется на основе других коммеморативных практик и доминирующих в разные периоды идеологий, в статье более подробно будет рассмотрен спектр нарративов и форм коммемораций, повлиявших на восприятие депортационного опыта 1949 г.

### **Научный и бюрократический тезаурус**

Принудительные массовые миграции были одним из методов социальной инженерии как в больших деспотиях древности, так и в руках правителей модернизационных проектов, впрочем, и сегодня не потерявших своего инструментального значения. Иногда они были прелюдией к физическому уничтожению различных групп (Поболь, Полян 2005: 5) и/или их формальным обоснованием, как, например, во время геноцида армян в Османской империи (1915–1923 гг.), где уничтожение автохтонного населения (армян) преподносилось как депортационная операция,

вызванная необходимостью защиты восточных границ от потенциально сочувствующих Российской империи этнических групп во время Первой мировой войны. И ранее, на протяжении XIX в., армян не раз массово переселяли из Западной Армении на территорию Восточной Армении, население которой, в свою очередь, подверглось насильственному тотальному переселению еще в XVII в. персидским шахом Аббасом (результат военной стратегии «выжженной земли» во время персидско-турецкой войны). В итоге северные и северо-западные территории современной Республики Армения и частично сегодняшней Грузии к XVIII в. практически обезлюдели. Вследствие русско-персидских и русско-турецких войн XIX в. эти районы были вновь заселены армянами-переселенцами из Османской и Персидской империй. Соответственно память о различных кампаниях принудительных миграций сохранились не только как часть армянской истории: для многих ныне живущих армян это страницы семейной биографии, которая обросла новыми историями депортаций и ссылок за советской период. Поэтому армянский «депортационный словарь» богат различными определениями массовых переселений.

Однако при всем «богатстве» депортационного словаря, зачитываемое в ночь на 14 июня 1949 г. советскими военными постановление о «высылке» (*artaqsum*) для многих армян оказалось непонятной дефиницией. Административный язык репрессий оперировал новым термином (*artaqsum*), который хоть и был взят из литературного армянского языка, но для людей малограмотных, уже однажды подвергшихся «депортации» в Османской империи, это определение никак не объясняло сути того, что с ними происходило. Для понимания его переводили с «бюрократического армянского» на «армянский исторический», заменяя на более понятный «*aqsor*» – «ссылку». В административной таксономии репрессий «высылка» предполагала менее суровую форму наказания по сравнению со «ссылкой», «тюрьмой» и т.д. Однако армянам, у которых понимание о советской «ссылке» сложилось на основе опыта кулацких и индивидуальных ссылок 1930-х, зачитываемый указ рисовал исключительно лагерную перспективу в Сибирь (Кисибекян 2011: 382–492), а у репатриантов, которые переехали в Советскую Армению после Второй мировой войны, слово «*aqsor*» ассоциировалось с опытом турецкой депортации, получившей в народе название «дорога смерти», поскольку геноцид армян формально был определен как переселение в глубь страны – в концентрационный лагерь Дейр-Эз-Зор (в армянской транскрипции известен как Дерзор) в Сирийской пустыне. На деле большинство переселяемых было убито по дороге или погибло от невыносимых условий во время переселения, а из дошедших собственно до лагеря в 1915–1916 гг. около 200 тыс. были убиты на месте (подробнее см.: Гервоян 2015: 709–782).

Пояснения советских военных, выполнявших операцию «Волна», «вас перевозят в другое место жительства», не вносили ясности, так как и причины выселения, и места назначения оставались неизвестными вплоть до прибытия. Только в местах расселения, в комендатуре, люди знакомились с учетной записью, где была указана их контингентность: «турок», «дашнак»<sup>1</sup>, «легионер». Как видим, среди этих определений нет категории «армянин», но у оказавшихся в эшелонах, где были исключительно армяне, будь это эшелоны из Армении, Абхазии или из Грузии, сложилось впечатление, что это ссылка именно армянская. Хотя количество выселенных по постановлению Совета министров СССР № 2214-356 сс от 29 мая 1949 г. («Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря») насчитывало 57,7 тыс. человек<sup>2</sup>, по приказу МГБ СССР № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья» армяне составляли чуть больше четверти (около 19 000 чел.) (Харатян 2020: 5–33) всех депортированных по этому приказу. Уже длинное название приказа говорит о сложных, запутанных принципах группирования людей, с указанием одновременно и гражданства («нынешнее», «прежнее»), и географического региона (Закавказье, Причерноморье).

Кроме гражданства (текущего и бывшего), в постановлении специально оговаривается категория «дашнаков», к которым были причислены не только многие из тех, кого включили в депортационные списки по текущей или бывшей гражданской принадлежности, но также те, кто ранее был судим или оказался в немецком плену во время Второй мировой войны. Причем гражданство учитывалось в случае депортации армян из Грузии, Азербайджана и Северного Причерноморья, а в случае депортированных из Армении ключевой категорией становилось членство в дашнакской партии (Харатян 2020: 73). Независимо от этнической принадлежности, депортированные по этому постановлению относились к выселенным «навечно» и квалифицировались как «выселенцы».

Также сложно определить целеполагание этой операции. Если греков депортировали в основном в Казахстан (Бугай 1995: 140–141; Pohl 1999: 119–128; Полян 2001: 141), то депортируемых армян из Армении сослали в Алтайский край (ГАРФ, Ф. Р-9479; Аблажей 2011: 34–49), а остальных армян – в Томскую область, в частности, в Нарым. Где, как отмечает историк Н. Аблажей, после войны было заметное сокращение населения, отчасти из-за военных мобилизаций, отчасти потому, что

ссылные освобождалась по истечении 10-летних сроков, полученных во время Большого террора. Очевидно, что данная депортационная операция, помимо других целей, была призвана решать и проблемы экономического и демографического характера в местах расселения<sup>3</sup>.

В то же время эту операцию можно было бы воспринять в первую очередь как превентивную, учитывая, что выселение шло из приграничных регионов Закавказья, Северного Причерноморья, которые «зачищались» от людей с гражданством соседних стран, граничащих по суше или морю. Учитывая, что туда же были определены и дашнаки, а в их число включали и военнопленных, обвиняемых в коллаборационизме, депортация может считаться также и карательной. Причем во время фильтрации 1945–1946 г. «коллаборационистов» разделили на две категории: членов «Армянского легиона», в отношении которых не было выявлено фактов участия в военных действиях, отправили к месту их жительства («пассивные» легионеры), а «активных» легионеров в составе «власовцев» направили на шестилетнее спецпоселение. Во время депортации 1949 г. в категорию «дашнаки» были включены и «пассивные» легионеры. То есть все «легионеры», освобожденные в 1945–1946 гг. от отправки на шестилетнее поселение и вернувшиеся в Армению, в 1949 г. все же отправлялись на спецпоселение в качестве контингента «дашнаки», которых выселяли «навечно» (Земсков 2016: 224–225; Абрамян 2005).

Пытаясь понять механизмы принятия решений, нельзя исключать и вероятность аппаратных интриг республиканских элит, которые пытались извлечь свои национальные и локальные выгоды. Как показывают некоторые авторы, в результате депортаций в плане получения «нужного демографического» расклада некоторые титульные нации, в том числе и на Кавказе, в сухом остатке оказывались в выигрыше (Полян 2001: 15; Кешаниди 2015).

До этой кампании армян депортировали по разным обвинениям, не всегда связанным с этнической принадлежностью. Депортация армян, во время которой выселяли именно по этническому признаку, коснулась лишь крымских армян в 1944 г. (наряду с греками и татарами), а к марту 1949 г. на спецпоселении находилось 3 678 армян из числа спецконтингента «власовец» (Аблажей 2011: 47). Поскольку самая массовая депортация армян началась 14 июня 1949 г., то именно этот день был включен в календарь памятных дат Республики Армения как день памяти жертв советских политических репрессий. Мемориал жертвам репрессий советского периода (2008) открывается только на один день в году – 14 июня для проведения коммеморативных акций, инициированных в основном жертвами депортаций (многие из которых были высланы еще детьми) и их потомками. Тема депортаций армян 1930-х гг. (наряду с курдами из пограничных с Турцией районов), «армян-власовцев» или

крымских армян (1944 г.) практически отсутствует в современном мемориальном ландшафте Армении.

Среди армянского спецконтингента были выделены как отдельные учетные категории «легионеры», «дашнаки-националисты» и «репатрианты» и члены их семей. Причем в первую категорию попадали любые военнопленные и члены их семей, которые, в отличие от других групп, и после смерти Сталина, и после провозглашения независимости Армении не обращались за реабилитацией или получением удостоверения о том, что были депортированы, поскольку были уверены, что обвинение в коллаборационизме не подлежит пересмотру.

Во вторую группу попадали не только люди с «неправильным» бывшим гражданством, но и семьи тех, кто когда-либо были осуждены по статье о принадлежности к дашнакской партии, правящей партии первой республики 1918–1920 гг. Это обвинение предъявлялось почти всем политзаключенным, особенно в годы Большого террора. Вообще, «дашнак-националист» – было самым распространенным обвинением независимо от реального членства или даже знакомства с кем-либо из этой партии. С учетом того, что членство в ней обычно каралось высшей мерой наказания, в 1949 г. в Сибирь отправляли семьи тех, кого уже расстреляли в 1930-х гг., или кому удалось бежать за пределы СССР, но семья осталась в Армении, или же, как упоминалось выше, в этот контингент попали военнопленные коллаборационисты. Понятно, что о членстве в партии малолетних детей или вдов не могло быть и речи, но поскольку, согласно постановлению, высылке подвергалась вся семья, проживавшая вместе с обвиняемым, то с членами семей бывших «дашнаков» обращались так, как если бы те были живы, если даже допустить их реальное членство в этой партии. Примечательно, что некоторые реабилитационные документы в качестве основания для оправдания указывали именно на неправильное определение глав семьи, где вместо покойного мужа якобы нужно было указать жену, которая не имела ни судимости, ни обвинения, ни подозрений в членстве запрещенной в СССР партии.

В группу так называемых репатриантов попали армяне-иммигранты, которые приехали в Советскую Армению под воздействием советской агитации по переселению зарубежных армян «на историческую родину». Такая работа велась в армянской диаспоре в рамках планов Сталина на продвижение СССР в южном направлении (в сторону Турции), и наличие людей, бежавших из Турции в результате геноцида, было «подходящим материалом» как для войны, так и для последующего расселения на предполагаемых территориях, которые могли быть отсечены от Турции в результате этой операции. По крайней мере, такие перспективы обсуждались на разных уровнях. Но к моменту организации самой «репатриации» (1946–1949 гг.), когда в Армению приехали около 100 000 армян из разных стран (в основном из Ближнего Востока, но

были и из Франции, США), планы по нападению на Турцию изменились и иммигранты из «капиталистических стран» были стигматизированы как потенциально неблагонадежные.

Хотя кампания по принятию зарубежных армян называлась «репатриацией», видимо, по примеру принудительных репатриаций граждан СССР, после войны (см.: Земсков 2018: 197–259; Полян 2001: 137–143; Арзамаскин 2001), именно для армян термин «репатриация» подходил меньше всего, поскольку, как верно отметила Грануш Харатян, ни эти люди, ни их предки никогда не жили на территории Восточной Армении, это были выходцы из Османской империи (Харатян 2020: 16). Определение этих иммигрантов в данные категории облегчало союзному бюрократическому аппарату их политическое, социальное и экономическое администрирование. Поэтому десятая часть репатриантов-армян также оказались в товарных вагонах, следовавших в Сибирь. При этом в самой группе репатриантов, как и в армянской диаспоре в целом, укоренилось представление о том, что ссылали в основном именно репатриантов. Благодаря скрупулезной архивной работе Тиграна Паскевичяна и Сатеник Фарамазян, которые не только сняли фильм-трилогию об армянах-репатриантах<sup>4</sup>, но и провели кропотливое архивное исследование<sup>5</sup>, установлено, что доля депортированных репатриантов (1 578 чел.)<sup>6</sup> среди всех ссыльных из Армении (около 12 300 человек) составляет примерно 10%. С учетом того, что в это время общее население Армении едва превышало один миллион, в целом число репатриантов (100 тыс.) составляло около 10% всего населения Армянской республики. То есть депортация коснулась группы репатриантов ровно настолько, насколько они были представлены в общем населении Армении.

Волны «репатриации» на символическую родину были и в 1920-х гг., когда после геноцида отдельные группы беженцев, оказавшиеся в самых разных странах, после формирования Армянской Советской Республики, решили перебраться сюда. Мы не делали отдельного анализа о том, сколько человек из этой группы репатриантов оказались в депортационных списках, но в банке устных историй, которые были собраны в рамках проекта «Armenia Total(itar)is» (2012–2017)<sup>7</sup>, было немало историй, когда один и тот же человек бежал из Османской империи во время армянского геноцида в Восточную Армению или перебирался через третью страну в уже Советскую Армению, во время Второй мировой войны был призван в армию и оказался в немецком плену, после освобождения из лагеря и возвращения в Армению всей семьей был депортирован в Сибирь. Будучи жертвами трех режимов, наши рассказчики сравнивали опыт трех исторических трагедий, одна из которых впоследствии стала культурной травмой (геноцид), другая – выработала общий перформативный язык публичной истории («Великая отечественная война»), третья – циркулировала как коллективная травма в относительно небольшой группе (в основном

среди жертв сталинских репрессий и их потомков) (Шагоян 2021: 73–98). Если в учебниках истории эти сюжеты, как правило, никак не пересекаются, и официальная историография рассматривает их в контекстах совершенно разных нарративов, то в рассказах наших собеседников публичный язык об одном из этих событий (например Великой Отечественной войне) используется для описания другого события (геноцида), а коммеморативные практики этой травмы служат моделью для воспоминаний о другой (депортация 1949 г.) (Шагоян 2021: 73–98).

В международных исследованиях памяти отсылка к геноциду армян встречается в дискуссиях о Холокосте как минимум в двух контекстах. Во-первых, история создания самого понятия «геноцид» польским юристом Рафаэлем Лемкиным связана с его оценкой массовых убийств и депортаций армян в Османской империи, термин был сформулирован им именно на основе этого кейса (Irvin-Erickson 2017).

Вторая известная отсылка к геноциду армян в дискурсе о Второй мировой войне встречается по поводу слов Гитлера в его речи 1939 г. перед нападением на Польшу: «Кто сегодня говорит об уничтожении армян?» (Dadrian 2003: 408; Albrecht 2007: 65). У советских армян возможности публичного проговаривания проблемы геноцида не было вплоть до 1965 г., когда прошли многотысячные митинги на улицах Еревана, озвучившие проблему памяти о геноциде в форме беспрецедентного для советского пространства протеста (Lehmann 2015: 9–31).

В личных рассказах язык описания вторжения Германии в СССР использовался для описания турецких погромов (ср.: «Турция *вероломно* напала на маленькую Армению»), хотя геноцид армян в Турции заключался не в нападении на соседнюю страну, а в уничтожении Турецким государством собственных граждан – армян по этнорелигиозному признаку. То, как память об одной культурной травме может повлиять на формирование языка описания, мемориализации, Майкл Ротберг рассматривает в рамках функциональных возможностей многонаправленной памяти, противопоставляя ее памяти конкурирующей. Под многонаправленной памятью он имеет в виду случаи, когда мемориальный инструментарий, разработанный для одной культурной травмы, используется для понимания и описания другой, а не за счет ее вытеснения и задушевания (ср.: колониализм и холокост) (Rothberg 2009).

### **Вербальная и визуальная репрезентация депортации «выселенцами»**

Текстов репрессированных о своем депортационном опыте в армянском публичном пространстве немного. Армянские писатели в художественных произведениях периода оттепели описывали события 1949 г., не называя их ссылкой, а подразумевая некий контекст, о котором чита-

тели должны были сами догадаться (см.: Мкртич Армен 1967). Обращение к этой теме в период перестройки было переключено на более актуальный сюжет – сталинскую передачу Нагорного Карабаха в состав Азербайджана. Публичные коммеморативные практики сконцентрировались в основном вокруг темы Геноцида и погромов армян в Азербайджане (Сумгаит, февраль 1988; Кировобад, ноябрь 1988; Баку, январь 1990). Поэтому, когда наша исследовательская команда начала изучение проблемы сталинских репрессий в рамках упомянутого проекта «Armenia Total(itar)is», включая депортацию 1949 г., нельзя сказать, что на такое исследование был общественный запрос. Некоторые члены исследовательской группы были из семей, подвергшихся репрессиям, или из семей, которые находились под непосредственной угрозой репрессий, поэтому была и личная мотивация такого исследования, и используемая методология включала некоторые аспекты автоэтнографии. Мы провели полевые работы практически во всех областях Армении, а некоторые интервью (более 20) записали за пределами Армении (в Грузии, России, США).

В годы репрессий обычно мобильность населения возрастает, и это связано прежде всего с тем, что выезд с места регистрации был способом избежать ареста, особенно в 1930-е гг. Поэтому судьбы некоторых наших собеседников напоминают череду переездов во избежание ожидаемого ареста или высылки<sup>8</sup>. И хотя каждый раз это была практически вынужденная миграция, решение о которой принималось исходя из обоснованных подозрений об угрозе, но назывался этот переезд по-разному, и, конечно, данный тезаурус не пересекался с депортационным словарем.

***А. Устоявшийся и создающийся нарративы о депортации:  
тексты мужские и женские***

Часть интервью мы записывали повторно примерно через месяц после первого, для того чтобы использовать их в документальном фильме, который снимали в рамках того же проекта<sup>9</sup>. Некоторые из повторных бесед были записаны оба раза одним и тем же исследователем, в то время как остальные интервью вторично записывались другим исследователем из той же команды, т.е. новым для рассказчика человеком. И хотя мы просили наших информантов пересказать те же сюжеты, которыми они поделились с нами месяц назад, второй пересказ больше совпадал с первым, если интервьюер был тот же. При смене собеседника в текстах наших информантов добавлялись новые факты и сюжеты, менялись акценты в интерпретациях. Это говорит о большом влиянии интервьюера на формирование историй, что не всегда осознается. Наш полевой опыт показал: не только интервьюер выбирает рассказчика, но и рассказчик

выбирает «своего» собеседника и решает, кому бы он доверил те или иные сюжеты, даже если осознает, что реальных адресатов текста гораздо больше хотя бы потому, что, как в нашем случае, интервью снимается для фильма. Но нарратия разворачивается в рамках общих практик коммуникации независимо от конечной цели интервью, и рассказчики ориентируются в первую очередь на тех, кому адресовано повествование в данный момент.

Хотя все собеседники были одинаково свободны в выборе сюжетов, оценок и т.п., но если у одних повторный рассказ мало чем отличался от первого, а некоторые эпизоды повторялись почти дословно и с той же эмоциональностью, то другая часть рассказчиков спустя месяц после первого интервью столкнулась с трудностями при пересказе своих историй. Как оказалось, это были в основном те информанты, которые по нашей просьбе впервые коснулись этого периода своей жизни. Их рассказ не был устоявшимся текстом, а скорее создавался по ходу беседы. Тогда как информанты, почти слово в слово повторившие свой рассказ, очевидно, уже имели «устойчивое повествование», которое, как в случае с одним из наших собеседников, было даже опубликовано еще до нашего знакомства (Тоноян 2008).

Другой особенностью было то, что женские тексты о репрессиях оказались менее «устойчивыми». Это говорит о том, что женщины меньше проговаривали свой опыт «репрессированной», у них не было сложившегося нарратива о депортации. Это, возможно, связано с их большей осторожностью в условиях, когда именно женщинам приходилось брать на себя ответственность за выживание детей, часто не только своих. Нередко после расстрела, ссылки, ареста мужчин они оказывались в роли единственной опекуны в большой расширенной семье. Женщины обладали меньшей политической субъектностью и, как правило, воспринимались как «дополнение» к приговору мужчин их большой родственной группы (Шагоян 2022а: 11–36). В Армении из приблизительно 45 000 репрессированных (за все советские годы) 6 130 женщин были высланы в 1949 г. (только из Армении) как члены семей, подлежащих высылке, согласно указанным в приказе контингентам, и только около 1 250 дел заведено собственно на женщин, в основном как ЧСИР («член семьи изменника родины»)<sup>10</sup>.

Неожиданным оказалось, что мужчины были более эмоциональными рассказчиками, безуспешно сдерживавшими слезы на протяжении всего разговора. Женщины, рассказывая о депортационном опыте своих близких, больше сосредотачивались на сюжетах борьбы за выживание, чем на потерях и связанных с ними эмоциях. Создавалось впечатление, что психологическая травма оставила у мужчин более глубокий след. Женщины, несмотря на перенесенные лишения, зачастую воспринимали

себя как объект ситуации, как человека, невольно оказавшегося в трудных обстоятельствах, главной задачей которого было преодолеть эти трудности. Между тем в мужских рассказах о репрессиях рассказчик выступал в позиции, скорее, субъекта, одновременно формулируя вопрос о своей ответственности за близких. Наиболее эмоциональными оказались рассказы мужчин, которые выделяли в своем повествовании сюжеты о матерях, словно превращаясь в подростков, которые в те годы страдали от невозможности защитить мать и младших членов семьи. Это было особенно заметно в рассказах старших детей. Очевидно, что социальная роль мужчин и старшего ребенка подразумевала дополнительную ответственность, и потому к воспоминаниям о потерях и трудностях прибавлялось и чувство вины, менее выраженное у женщин и младших детей независимо от пола. Семейные отношения и роли отразились и в том, что в рассказах женщин, как заметил историк Гриша Смбалян, особо большое место занимают переживания, связанные с судьбой братьев.

Женские и мужские тексты часто отличались выбором сюжетов, что было в целом ожидаемо. Неожиданным было то, что женщины чаще, чем мужчины, обращались в различные государственные органы, чтобы узнать о судьбе своих родственников (ПМА 2012–2013, Анжела Шахбазян, Ахурян; ПМА 2012, Ася Ясоян, Гюмри; Марутян, ПМА 2012, Нина Овсепян, Горис). Даже если они не могли сами подготовить письмо на русском языке, именно по их настоянию родственники занимались выяснением судьбы пропавшего члена семьи и отправляли письма, как правило, от имени этих женщин.

Механизмы «вспоминания» семейной депортационной истории имели еще одно заметное различие у женщин и мужчин. В то время как женщины бережно хранили все документы, отдельные фотографии или вещи своих репрессированных родственников, напоминая работника музейного фонда, то архив, собранный несколькими нашими собеседниками-мужчинами, больше напоминал музейную экспозицию. Это не только про сохранение материализованной памяти, но и попытка поместить ее в определенную интерпретационную рамку. Человек так формировал память, словно превращался в куратора и гида музейной экспозиции. В их случае предметы (фотографии и другие реликвии) часто демонстрировались в гостиной, занимая наиболее выигрышную часть стены, становились экспозицией в прямом смысле этого слова (Шагоян, Абрамян, ПМА 2012–2013, Руссо Абрамян, Гюмри; Шагоян, Абрамян, ПМА 2013, Сергей Хуршудян, Гюмри; ПМА 2010, Хорен Закарян, Даштадем).

Фотографии в «мужских архивах» могли храниться не только в обычных фотоальбомах, но наклеивались в иллюстрированные книги (Шагоян, Абрамян, ПМА 2013, Сергей Хуршудян, Гюмри; ПМА 2010, Хорен Закарян, Даштадем) или другие документы (Шагоян, Абрамян, ПМА

2012–2013, Руссо Абрамян, Гюмри). Меняя контекст снимка, рассказчик фрейммировал личную биографию как часть общенациональной или большой семейной истории. Часто «депортационные альбомы» напоминали «дембельский альбом», где изображения сопровождались дополнительными пояснениями, рисунками от руки или мангой японских военнопленных о своей жизни в лагерях ГУПВИ (Гучинова 2016). Визуальная память о депортации выстраивала новую идентичность, которая в каких-то случаях пыталась заново вписать биографию человека в историю своей республики, откуда человек был изгнан (ср. книги-альбомы Сергея Хуршудяна), или, наоборот, подчеркивала идентичность депортированного, как это сделал Руссо Абрамян, вклеивший в паспорт своего депортированного отца их совместную фотографию, сделанную в ссылке. Из его большой семьи были сосланы только отец и он, одиннадцатилетний Руссо, поскольку оставался единственным несовершеннолетним и, в отличие от остальных пяти братьев, находился на попечении отца. Совместная фотография отца и сына в отцовском паспорте стала убедительной иллюстрацией того, как члены семей депортированных становились заложниками судьбы другого члена семьи.

Наряду с фотографиями, в семейном архиве можно было найти вырезки из различных газет, отдельные записи телевизионных передач, отражающие тему депортаций, включая и депортацию других народов (ПМА 2012–2013, Анжела Шахбазян, Ахурян; ПМА 2012–2013, Хажак Амаякян, Гюмри; ПМА 2013, Джавахян Асмик, Шнох; ПМА 2013, Сергей Хуршудян, Гюмри). Например, заметка в газете о Поезде памяти в постсоветской Калмыкии для гюмрийца Сергея Хуршудяна хранилась как свидетельство важного прецедента, документ, с которым он обращался в разные инстанции с просьбой организовать подобный поезд и для депортированных армян. Он даже продумал маршрут в условиях непрекращающейся блокады постсоветской Армении со стороны Азербайджана, через территорию которого пролегал путь в 1949 г.

Как правило, воспоминания и дневники репрессированных хранились рядом с фотографиями, которые служили не столько носителем информации, сколько сокровищницей семейных реликвий. Зачастую члены семьи даже не читали эти бережно хранимые записи. Они напоминали практики вернакулярного христианства, в рамках которых к книгам религиозного содержания сложилось отношение как к священным реликвиям, воспринимаемым как «домашние святыне» с чудотворными возможностями исцеления, спасения и помощи в трудной ситуации (о «домашних святынях» см.: Марутян 2001). Отношение к материалам депортационного периода – фотографиям, документам, дневникам, письмам – у наследников таких семейных историй во многом совпадало с отношением к этим «священным книгам» – их не старались публиковать, ни

даже подробно ознакомиться с содержанием, эти «архивы» обычно хранились как священная семейная память.

Подобно тому как многие верующие в сталинские годы рисковали жизнью, чтобы спрятать свои священные книги, фотографии репрессированных и другие памятные вещи о них хранились в тайниках. Например, мать одной из наших собеседниц, подвергавшаяся преследованиям из-за того, что ее муж-коммунист, оказавшийся в немецком лагере, сотрудничал с фашистами, «объединила» фотографии – свою и мужа – висевшие рядом, спрятав фотографию мужа за своей в той же рамке, а фронтовые письма мужа хранила между этими двумя фотографиями. Несмотря на жесткие допросы со стороны НКВД-КГБ, она не уничтожила эти материализованные «памятки» о муже, а защищала их своим портретом до конца жизни, рискуя свободой каждый день (ПМА 2014, Ереван). Эта и другие подобные истории объясняют также и скудость дошедших до нас «семейных архивов». Хранение этих документов эпохи всегда было делом риска и требовало особого мужества.

Обычно хранение семейных реликвий входило в обязанности женщин, потому, видимо, мы чаще видим «архивирование» депортационных материалов и их совместное хранение со «священными реликвиями» именно в тех случаях, когда наследниками этой материализованной памяти являются женщины.

### ***В. Депортация, определяющая семейные рамки***

Коммуникативная память, по Я. Ассману, передается в первую очередь через семейные связи. Но как определить те коммуникативные сети, которые на деле работали в семьях депортированных и могли бы стать каналами трансляции этой памяти, если понятие семьи у различных народов, входящих в состав СССР, имело разное содержание, охватывало разные родственные линии? Тем более, что у разных частей одного и того же родственного клана или малой семьи мог быть не только отличающийся депортационный опыт, но и тот же опыт мог по-разному интерпретироваться. Например, интересны отличия в рассказах тех, кто был выселен взрослым, и рассказах тех, кто был выселен детьми и подростками, кого можно было бы определить как поколение «полтора» (см.: Rumbaut 1991: 53–91, Гучинова 2024). Если для старшего поколения депортация была травматическим опытом, то для детей, никогда не выезжавших за пределы села, впечатления о дороге и новых местах проживания нередко облекались в форму приключенческого рассказа. Такое отношение отразилось не только в их устных историях, но стало темой для художественного творчества: отозвалось в опубликованных художественных рассказах и коллажах.

Волны репрессий в разных регионах Армении имели локальные особенности. В то время как партия «Дашнакцутюн» была более известна в западноармянской среде, идеология социализма и большевизма была более знакома в некоторых восточноармянских деревнях, поэтому последние особенно пострадали во время «партийных чисток» 1930-х гг., при этом в семьях сохранились нарративы «старых большевиков». В селе Ахпат Лорийской области некоторые даже в 2000-х гг. продолжали гордиться тем, что именно здесь была первая партийная ячейка в Армении, и перечисляли имена старых большевиков из своего села (ПМА 2014, Ахпат). Примечательно, что в некоторых поселениях Лори (один из северных районов Армении), наоборот, перечисляли имена доносчиков, но с трудом припоминали имена их жертв (ПМА 2014, Шнох). Это можно объяснить отсутствием в селе потомков погибших, которые, возможно, из-за ссылки или чтобы избежать перспективы выяснения отношений с потомками доносчиков (как нам часто объясняли депортированные причину своего невозвращения в родное поселение после депортации), прекратили всякие отношения со своим поселением и были стерты из коллективной памяти односельчан. Тем более что любой контакт с репрессированными был чреват последствиями. И если сами депортированные не предпринимали шагов для поддержания связи с родной деревней, то, как правило, трудно было ожидать подобной инициативы от односельчан. Между тем необходимо было знать имена доносчиков, чтобы относиться к ним с осторожностью. Хотя нами зафиксирован уникальный случай, когда по инициативе и благодаря последовательным требованиям односельчан в родное село из ссылки вернулся один из депортированных<sup>11</sup>.

Составление списков на выселение началось за несколько месяцев до депортации, однако какие-то небольшие изменения, вмешательство на разных уровнях имели место. Многие депортированные были уверены, что они оказались в этих списках либо по ошибке, либо по доносу. По крайней мере, меньше всего они верили, что государственная машина сама пришла к решению депортировать именно их. Обвинение локальных, сельских управленцев усугублялось слухами о том, как в соседних селах председатель колхоза или первый секретарь отказывались выполнять распоряжение о составлении списков. Например, многие упоминали такие села, как Лернапат, Сваранц, Верин Саснашен, Покр Кети и Саратак, где, якобы, благодаря солидарности жителей села или смелости местных властей депортированных было очень мало или почти не было. Или, наоборот, местные чиновники во избежание депортации своих родственников меняли в списках имена. В одном случае наши собеседники были убеждены, что чиновник вместо семьи брата сослал другую семью (ПМА 2014, Гохт). В другом случае, исходя из общественных

интересов, отказывались включать в списки людей, в профессиях которых село нуждалось. Сложились легенды, как некоторые руководители жестко объявляли, что «у нас нет людей для депортации, если надо обязательно кого-то забрать, то заберите нас – председателя сельсовета, секретаря партийной ячейки...» (ПМА 2012, Сергей Хуршудян, Гюмри)<sup>12</sup>.

Подобные сюжеты в рассказах крайне эпизодичны, и для понимания того, насколько они могли соотноситься с реальностью, необходимо изучить каждый из них. Так или иначе, но жители района воспринимали рассказы про подобные села как островки справедливости и солидарности, а само их существование формировало мнение о том, что государственный террор является результатом произвола местных чиновников. Неподчинение решению, спущенному сверху, или изменение решения на месте теоретически были возможны, хотя и зависели от многих обстоятельств. Не исключено, что руководители некоторых общин пытались воспользоваться этими обстоятельствами, а в других – нет. Иногда, наоборот, план «осужденных» перевыполнялся благодаря стараниям местных чиновников. Однако для обоснования того или другого утверждения необходимы специальные исследования, нам же эти нарративы интересны как часть депортационного дискурса, который неизбежно формируется, когда принцип «контингентности» настолько размыт, что включение в списки воспринимается как результат субъективных решений на местах и становится причиной новых социальных расколов.

Если кто-то попадал под определение контингента на депортацию, то высылке подлежала и вся его семья. Здесь проявилась сложность определения «границ» армянской семьи. Чтобы включить ту или иную семью в список для высылки, необходимо было определить ее состав. Состав семей в целом совпадал со списком людей, проживающих под одной крышей. Если чья-то дочь выходила замуж и жила в семье мужа, она не считалась членом семьи отца и не подлежала высылке (см.: ПМА 2006, женщина, 70 л., Гош). То же самое было и с сыном, который уже выделился и жил в другом месте. Однако если сын, даже будучи женатым, жил с отцом, выселяли не только его, но и его семью – жену, детей, независимо от того, когда его жена появилась в этой семье. В случае, если семью выслали не из-за отца, а, например, из-за его сына, депортации подлежали и родители. Иногда паре молодоженов, которая еще не была зарегистрирована, но уже успела справить свадьбу, удавалось убедить представителей власти разрешить отсутствующему в списках новому члену семьи добровольно присоединиться к депортируемым<sup>13</sup>.

Обычно виновниками высылки были мужчины, депортация женщин, как правило, была следствием высылки их отца, сына, брата или мужа. Но депортация осуществлялась в очень короткий срок, в ночь на 14 июня 1949 г. Бывало, что члены семьи, занесенные в списки, иногда именно в

эту ночь по разным причинам (учебы, работы и т.д.) могли отсутствовать, и тогда они могли избежать высылки<sup>14</sup>. Мы зафиксировали примечательный случай в селе Паник, откуда собирались депортировать мужчину, попавшего в плен во время войны. В ночь депортации он находился в Грузии, но дома оказались его 19-летняя жена и новорожденный сын, которых посадили в поезд, увезший молодую женщину с грудным ребенком в Сибирь. Когда отец семейства вернулся из Грузии и узнал, что из-за него жену и сына сослали, он обратился к местным властям с просьбой сослать и его. Однако ему отказали, объяснив, что у них нет дополнительных средств для его транспортировки. И когда «виновнику семейной драмы», спустя несколько месяцев, удалось накопить денег и за свой счет добраться до Алтайского края, где он нашел свою семью, в списке высленцев его уже не было. Учет депортированных на местах, видимо, проводился по факту прибытия/приема. Он остался жить в поселении, куда сослали жену с ребенком, как свободный житель, устроился на работу, продвинулся по службе на относительно высокие посты. Вместе с тем он регулярно возил жену отмечаться в комендатуру, что обязаны были делать все высленцы по месту регистрации (ПМА 2015, мужчина, 1949 г.р., Паник).

Таким образом, бюрократическая «контингентность» зависела от реального состава семей, но корректировалась в момент выселения в сторону увеличения числа депортируемых и никогда в обратном направлении. Бюрократическая машина не имела возможности пересмотреть собственное решение, если даже нужно было кого-то дополнительно включить в списки задним числом. В данном случае мы видим, как экономические расчеты на транспортировку превалировали над идеологической и/или юридической целесообразностью.

Отношение членов семей к «виновникам» депортации, судя по рассказам, было разным: это и истории неприятия, и отказа, и полного обожания. Но вопрос, как же формировалось негативное или позитивное отношение к депортированным родственникам, остается открытым, поскольку это часть взаимоотношений складывалась вне контроля самих высленцев, чаще оказывающихся в центре внимания исследователей, тогда как рассказы членов их семей, особенно отдаленных, остаются вне исследовательских вопросов. Так как мы начали наше исследование довольно поздно, то имели дело больше с детьми депортированных, т.е. с текстами «постпамяти», нежели с рассказами самих высленцев. Они интересны как тексты социализации в условиях депортации, когда осваиваются новые правила (в школе), сочетаемые с установками традиционного общества (в семье). Рассказы «бывших детей» особенно содержательны в плане того, как складывалась новая система ценностей, воспитывался и формировался «советский» человек.

На долю менее заметных в качестве «целевого контингента» женщин приходится не совсем очевидные формы повседневного сопротивления,

выражения несогласия с решениями властей, что было незаметно для властей, но усваивалось детьми. Один из наших собеседников рассказывает: «Моя мать никогда не говорила, что твой отец не виноват, но она всем своим поведением показывала, что это так» (Абрамян, ПМА 2012, Ереван)<sup>15</sup>. Это не проговариваемое отношение, но передаваемое через жесты, мимику, интонации, давало детям понять, что не все так однозначно в школьной пропаганде. Потому и «женские тексты», звучащие из уст мужчин или женщин – детей, которые выросли в основном под влиянием женщин, это не только жизнеутверждающие сюжеты о борьбе и выживании, но часто и контртексты официальной идеологии.

### *С. Депортация в коллективных коммеморативных практиках*

Во время нашей полевой работы ожидания исследователя, что он сейчас услышит текст о «травматическом опыте», часто не оправдывались. Публичного признания сюжета депортации армян как травматического не было, как и не было адекватной политической и исторической оценки и самим репрессиям. Эти сюжеты не стали предметом публичного дискурса и, соответственно, не были фреймированы как «травматический опыт», что, конечно, не отменяет драматического переживания депортации для каждой отдельной семьи. Но речь о том, что эти сюжеты не стали культурной травмой, они, скорее, остались предметом «памяти тех, кого это коснулось непосредственно» и вспоминаются по-разному, в зависимости от того, кто рассказчик – мужчина или женщина, в каком возрасте они были свидетелями этих событий, через кого была транслирована семейная история.

Публичное мемориальное пространство в Армении было заполнено, скорее, сюжетом о геноциде армян. Память о геноциде и утраченной родине подвергалась преследованию в первой половине XX в., а во второй половине века выжившие боролись за публичное признание своей травмы (до открытия мемориала геноцида в 1967 г.), чтобы в конечном итоге это стало важным компонентом государственной политики независимой Армении. Это нарратив о виктимизации, страданиях и выживании перед лицом врага, реализующего расистские планы. Итак, тексты о геноциде, прежде чем стать основным нарративом, проходили латентный период. Советские власти, следуя принципу «социалистическое по содержанию, национальное по форме», допускали лишь те формы национального самовыражения, которые вписывались в допустимые идеологические рамки. В таких условиях интеллектуалы искали обходные пути. Например, фольклористка Вержине Связлян маскировала сбор свидетельств очевидцев как исследование армянского фольклора. Архитектор Рафаэль Егоян инициировал строительство памятника жертвам резни

1920 г. в Лениникане (Гюмри), замаскировав мемориал как декоративный источник воды у дороги в рамках дорожного проекта, договорившись со своим другом – начальником районного дорожно-строительного треста, что позволило избежать идеологической цензуры (Шагоян 2022б: 122–144). Эти примеры демонстрируют, как локальная политика контрпамяти и личные воспоминания простых граждан переплетались, мимикрируя и вписываясь в допустимые рамки публичной памяти.

Схожая динамика прослеживается в попытках увековечения памяти о депортации армян в 1949 г. Массовая депортация армян в Сибирь долгое время оставались в тени даже в семейной памяти. Однако после реабилитации репрессированных их потомки стали перевозить прах своих родственников в Армению. На надгробиях таких людей указывали не только годы жизни, но и место первой могилы в Сибири, а также год перезахоронения. Это мемориальная практика, подобно тому как на могильных плитах жертв геноцида указывались их родные города в Западной Армении, служила каменным свидетельством утраты родины или фиксировала траекторию принудительной миграции.

Другой доминирующий публичный нарратив в советском мемориальном пространстве – это героическая история Великой Отечественной войны, в которой враг представлен как «абсолютное зло», противостоящее всему советскому народу, включающему и армян, сражавшихся как в составе Красной армии (около 200 тыс.), так и в союзных войсках (около 100 тыс.). Многие локальные памятники, посвященные погибшим в этой войне, воздвигнутые в период «оттепели» и «застоя» (1960–1980-е гг.), укоренились как допустимая форма публичной коммеморации. Постсоветские государства, как правило, продолжают использовать мемориальные нарративы Великой Отечественной войны в своей мемориальной политике (Памятник и праздник 2020). Так было и в Армении, когда после Первой Карабахской войны день 9 мая отмечался как тройной праздник – день взятия Шуши, день формирования арцахской армии и День Победы в Великой Отечественной войне. После Второй Карабахской войны 2020 г., когда нападение Азербайджана на Арцах завершилось их победой, в Азербайджане было введено официальное название этой войне – «Отечественная война» (как в советском мемориальном языке для фреймирования постсоветских событий). В первый год празднования своей победы в Азербайджане был организован также парад «бессмертного полка» – концепция, как известно, возникшая в низовой мемориальной практике постсоветской России. Эта инициатива была адаптирована российскими властями в качестве нового официального языка празднования. В Азербайджане же этот формат празднования победы трансформировался в строго контролируемую, официальную память по поводу Карабахской войны, где армия марширует с портретами погибших в этой войне. Такой язык «отечественной войны» понятен не

только постсоветским сообществам, но также представляет собой сдвиг в сторону языка бывшей метрополии – России, чья позиция в карабахском конфликте оставалась ощутимой, несмотря на этническую чистку всех армян в Карабахе в сентябре 2023 г. В этом смысле использование мемориального языка постсоветской России при описании «национальных» побед скорее указывает на важного адресата этих торжеств или на язык многонаправленной памяти (Rothberg 2009), который заставляет говорить о победах или поражениях на языке «других», чтобы быть «правильно услышанными».

Организация локальных памятников тоже отчасти отсылает к мемориальным практикам Второй мировой войны. Так, например, распространенная практика установки памятника на средства односельчан с указанием имен погибших говорила о том, что это был не столько «памятник неизвестному солдату», как его часто называли в официальных описаниях, а был посвящен вполне конкретным людям – своим односельчанам и функционировал как кенотаф для тех семей, чьи родные не вернулись с войны и не имели могилы. Этот же подход можно видеть и в мемориализации памяти репрессированных или депортированных, у которых нет в селе могилы. Например, в селе Гохт в 2011 г. по инициативе местной администрации был установлен памятник жертвам репрессий, с указанием конкретных имен. Интересно, что на этой же плите оказалось имя человека, который донес на других репрессированных и сам в итоге был расстрелян (Шагоян 2021: 87–88). Организаторы памятника подчеркивали, что их целью было осуждение системы, заставлявшей людей доносить друг на друга.

Трудности с поиском публичного пространства для новых памятников привели к тому, что они стали появляться на частных территориях. В деревне Вардаблур был установлен памятник репрессированным в форме генеалогического древа, на котором указаны 17 человек из одной семьи, пострадавших в разные периоды репрессий (во время Большого террора и депортации 1949 г.). Постепенно этот частный участок превратился в публичный мемориальный парк, включающий памятники, связанные не только с семейной историей.

Таким образом, память о репрессиях и депортациях в постсоветской Армении имеет многослойный характер. В отличие от памяти о геноциде, ставшей главным национальным нарративом, память о репрессиях часто сталкивалась с политикой забвения. Однако это же забвение создавало пространство для более разнообразных форм мемориализации, включая частные инициативы. В отличие от советских военных памятников, которые возводились под контролем государства, памятники жертвам репрессий чаще устанавливались родственниками, что позволяло отражать в них более сложные оценки на события прошлого. В этом смысле память о депортации 1949 г. становится частью многослойного

мемориального ландшафта, отражая взаимодействие личной, локальной и национальной памяти.

\*\*\*

Итак, обсуждаемый кейс дает основания для следующих выводов.

Депортация армян в 1949 г. не укладывается в существующие классификационные схемы, принятые в научной литературе (ср.: Полян 2001): смешанная контингентность (по гражданству, политическим и социальным признакам) порождала разночтения не только у исполнителей, но прежде всего у самих жертв, усложняя восприятие причин репрессии и формируя представление о произвольности «отбора».

Советский бюрократический язык, отражающий процесс организации депортации, не воспринимался жертвами как нейтральное описание событий: он прочитывался через призму прежних коллективных и личных травм (геноцид, ссылки 1930-х гг.), что создавало альтернативные интерпретации – как вернакулярные, так и «контртексты» по отношению к официальной терминологии.

Коммеморативные практики, связанные с депортацией 1949 г., формировались преимущественно по аналогии с уже институционализированными практиками памяти о геноциде и Великой Отечественной войне, заимствуя их язык, визуальные формы и ритуальные модели, но адаптируя их под локальные и семейные контексты.

### Примечания

<sup>1</sup> Дашнаками называли членов партии «Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн)», сыгравшей ключевую роль в создании Первой Республики Армении (1918–1920) и запрещенной после установления советской власти.

<sup>2</sup> По данным 1953 г., из 56 142 выселенцев по этому указу 37 352 были греки (Pohl 1999: 123).

<sup>3</sup> Аблажей Н. Доклад на летней школе по сталинским депортациям «Депортации как чекистско-войсковые операции» (Цапатах, 2015 г.).

<sup>4</sup> Трилогия реж. Т. Паскевичяна называется «Возвращаясь на круги своя», первый фильм: «Моя незнакомая родина» (2012), второй – «О родина! Горькая и сладкая» (2016), третий – «Последняя мечта или Game Over» (2017), Versus studio.

<sup>5</sup> См.: Museum of repatriation. URL: hayrenadardz.org/en (дата обращения: 25.07.2025).

<sup>6</sup> To Siberia // Museum of repatriation. URL: <https://hayrenadardz.org/en/page/aksor> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>7</sup> Проект был инициирован Грануш Харатян, Гаяне Шагоян, Арутюном Марутяном и Левонем Абрамяном, сотрудниками Института археологии и этнографии НАН РА; отдельные исследовательские проекты осуществлялись в рамках научной общественной организации Армянского центра этнологических исследований «Азарашен».

<sup>8</sup> Шагоян Г. Полевые материалы автора (далее ПМА; мы упоминаем имена тех информантов, которые дали свое согласие на участие в фильме, в остальных случаях будут указаны лишь год и поселение, где проводилось интервью). Интервью с Согомоном Арутюновым, Ереван, 2013, см.: Арутюнов С. «Мы всю жизнь скрывали, что наш отец был в тюрьме» // Armenia Total(itar)is. 27.07.2014. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=7JKb6ktThkg&list=PLaSFzKhwrHrFCkwb-2h\\_6vs3D4EM0-ef&index=10](https://www.youtube.com/watch?v=7JKb6ktThkg&list=PLaSFzKhwrHrFCkwb-2h_6vs3D4EM0-ef&index=10) (дата обращения: 26.02.2025).

<sup>9</sup> См. фильм «The Unfamiliar people» реж. С. Овсепян, Н. Шек (48:06) (11.06.2014). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BiYaGvorFiU> (дата обращения: 26.02.2025).

<sup>10</sup> Архивные материалы проекта Armenia Total(itar)is.

<sup>11</sup> Один из таких случаев зафиксирован этнографом Лилит Погосян в Армавирской области в 2014 г.

<sup>12</sup> См. видеointервью Сергея Хуршудяна «Спасительный половник повара, сломавшийся в Сибири» (YouTube-канал Armenia Total(itar)is. 2013. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=\\_5p3dT4gJo](https://www.youtube.com/watch?v=_5p3dT4gJo) (на арм. яз.) (дата обращения: 01.03.2025)).

<sup>13</sup> У нас есть зафиксированный случай, когда жениха сослали в ночь его свадьбы, а его невеста настояла и сумела присоединиться к изгнанникам. См. видеointервью Сергея Хуршудяна «Спасительный половник повара, сломавшийся в Сибири» (на арм. яз.).

<sup>14</sup> См., например, видеointервью с Руссо Абрамяном «Одни и те же сотрудники НКВД были и злыми, и добрыми» (YouTube-канал Armenia Total(itar)is. 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1Y86T1w5LRw> (на арм. яз.) (дата обращения: 01.03.2025)).

<sup>15</sup> Полную транскрипцию интервью Левона Абрамяна с Ревиком Арутюняном см.: (Арутюнян 2015: 330–342).

### *Полевые материалы автора (ПМА)*

Арутюнов Согомон, Ереван, 2013, видеointервью см.: Арутюнов С. «Мы всю жизнь скрывали, что наш отец был в тюрьме» // Armenia Total(itar)is. 27.07.2014. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=7JKb6ktThkg&list=PLa-SFzKhwrHrFCKWb-2h\\_6vs3D4EM0-ef&index=10](https://www.youtube.com/watch?v=7JKb6ktThkg&list=PLa-SFzKhwrHrFCKWb-2h_6vs3D4EM0-ef&index=10) (дата обращения: 26.02.2025).

Амаякян Хажак, Гюмри, 1926 г.р., 2012–2013.

Джавахан Асмик, Шнох, 2014.

Григорян Зарик, Гош, 2006.

Закарян Хорен, Даштадем, 2010.

Ясоян Ася, Гюмри, 2012.

Григорян Самвел, Паник, 2015.

Жен. 65 л. Ахпат, 2014.

Муж. 70 л., Шнох, 2014.

Муж. 35 л., Гохт, 2014.

### *Список источников*

Аблажей Н.Н. Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 47–53.

Абрамян Э.А. Забытый легион. Неизвестные страницы соединения специального назначения «Бергманн». Ереван: Аполлон, 2005.

Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М.: Фокус, 2001.

Арутюнян Р. «Для меня он был хорошим человеком» // Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность / ред. Г. Харатян, Г. Шагоян, Г. Марутян, Л. Абрамян. Ереван: Гитутюн, 2015. С. 330–342 (на арм. яз.).

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 39. Спецконтингенты, депортации и спецпоселения за 1930–1959 гг.

Геворгян Р. Геноцид армян. Полная история. М.: Яуза-каталог, 2015.

Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Саппоро, 2016.

Гучинова Э.-Б. «У каждого своя Сибирь». Рассказы калмыков о ссылке. М.: Бумба, 2024.

Земсков В.Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. М.: Вече, 2018.

- Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952, М.; СПб.: Ин-т рос. ист. РАН; Центр гум. инициатив, 2016.
- Кешианиди Х. Выселение греков СССР в 1949 г., Афины, 2015.
- Кисибекян А. Воспоминания. Т. 2. Ереван: Араспел, 2011 (на арм. яз.). Կիսիբեկյան Ա. Հուշեր: Հատոր 2, Եր. «Առաքյալ», 2011.
- Марутян А. Феномен «домашних святых»: вопрос о происхождении и сегодняшние проявления // Армянские святые и святыни. Ереван: Армения, 2001. С. 337–346 (на арм. яз.). Մարության Հ., «Տան տուր» երևույթը. Ակունքների հարցը և մերօրյա դրսևորումները // Հայոց սրբերն ու սրբավայրերը, Եր., «Հայաստան», 2001, էջ 337–346.
- Мкртчч Армен. Жирайр Гленц. Ереван: 1967 (на арм. яз.). Մկրտչի Արմեն, Ժիրայր Գլենց, Եր., 1967.
- Памятник и праздник. Этнография дня Победы / под ред. М. Габович. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Поболь Н.Л., Полян П.М. Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД: Материк, 2005.
- Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И., 2001.
- Тоноян П. Одна жизнь. Ереван: б.и., 2008 (на арм. яз.). Տոնոյան Պ. Մի կյանք, ա.հ. Երևան, 2008.
- Харатян Г. Выселение армян «навечно» 1949 года. Анализ и архивные документы (К 70-летию этнической депортации армян). Ереван: Изд. ИАЭ, 2020.
- Шагоян Г. Наказанные за недонесение. От редактора // Саргсян Т. Женщины, которые не доносят. Ереван: ИАЭ изд-во, фонд Генриха Белля, 2022а. С. 11–36 (на арм. яз.). Շաղոյան Գ. Չմատնելու համար պատժվածները. Խմբագրի կողմից // Տիգրան Սարգսյան, Չմատնող կանայք, Երևան, ՀԲՀ և ՀԱԻ հրատ., 2022, էջ 11–36.
- Шагоян Г. «Национальное по содержанию и социалистическое по форме»: палимпсест мемориалов советской Армении // Армянский гуманитарный вестник. 2022б. № 9. С. 122–144.
- Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 73–98.
- Albrecht R. Crime/s Against Mankind, Humanity and Civilisation. 1st ed. München: GRIN Verlag, 2007 (опубликовано в 2008).
- Dadrian V. The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Berghahn Books, 2003.
- Irvin-Erickson D. Raphael Lemkin and the Concept of Genocide. Philadelphia: Penn-University of Pennsylvania Press, 2017.
- Lehmann M. Apricot Socialism: The National Past, the Soviet Project, and the Imagining of Community in Late Soviet Armenia // Slavic Review. 2015. Vol. 74, № 1 (Spring). P. 9–31.
- Pohl J.O. Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949. Westport, CT: Greenwood Press, 1999.
- Rothberg M. Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford University Press, 2009.
- Rumbaut R.G. The Agony of Exile: A Study of the Migration and Adaptation of Indochinese Refugee Adults and Children // Refugee Children: Theory, Research, and Practice / eds. by Frederick L. Ahearn Jr., Jean Athey. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. P. 53–91.

### References

- Ablazhey N.N. (2011) Deportatsiya armenyan v Altayskiy kray v 1949 g. [Deportation of Armenians to the Altai Province in 1949]. In: *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 1, pp. 47–53.

- Abramyan E.A. (2005) *Zabytyy legion. Neizvestnyye stranitsy soyedineniya spetsial'nogo naznacheniya «Bergmann»* [Forgotten Legion. Unknown Pages of the Special Purpose Unit "Bergmann"]. Yerevan: Apollon.
- Albrecht R. (2008) *Crime/s Against Mankind, Humanity and Civilisation*. 1st edition. München: GRIN Verlag, 2007 (published in 2008).
- Arzamaskin Yu.N. (2001) *Zalozhniki Vtoroy mirovoy voyny: Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1944–1953 gg.* [Hostages of World War II: Repatriation of Soviet Citizens in 1944–1953]. Moscow: Fokus.
- Bugay N.F. (1995) *L. Beriia – I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu...»* [Beria to I. Stalin: "According to your instructions..."]. Moscow: AIRO-XX.
- Dadrian V. (2003) *The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus*. Berghahn Books.
- GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]), F. R-9479, Op.1, D. 476, L. 39. Spetskontingenty, deportatsii i spetsposeleniya za 1930–1959 [Special contingents, deportations and special settlements for 1930–1959].
- Gevorgyan R. (2015) *Genotsid arмян. Polnaya istoriya* [The Armenian Genocide. A Complete History]. Moscow: Yauza-katalog.
- Guchinova E.-B. (2016) *Risovat' lager'. Yazyk travmy v pamyati yaponskikh voyennoplennyykh o SSSR* [Drawing a Camp. The Language of Trauma in the Memory of Japanese Prisoners of War about the USSR]. Sapporo.
- Guchinova E.-B. (2024) *«U každogo svoâ Sibir'».* *Rasskazy kalmykov o ssylke*. ["Everyone has their own Siberia". Stories of the Kalmyks about exile]. Moscow: Bumba.
- Harutyunyan R. (2015) «Im hamar ink'y lav mard er» ["For Me He Was a Good Man"]. In: Kharatyan G., Shagoyan G., Marutyan G., Abrahamian L. (red.). *Stalinyan brnnachshumery Hayastanum. patmut'yun, hishoghut'yun, arrorya* [Stalinist Repressions in Armenia: History, Memory, Everyday Life]. Yerevan: Gitutyun, pp. 330–342 (in Armenian).
- Irvin-Erickson D. (2017) *Raphael Lemkin and the Concept of Genocide*. Penn-University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
- Keshanidi Kh. (2015) *Vyseleniye grekov SSSR v 1949 g.* [The Deportation of Greeks from the USSR in 1949]. Athens.
- Kharatyan G. (2020) *Vyseleniye arмян «navechno» 1949 goda. Analiz i arkhivnyye dokumenty (K 70-letiyu etnicheskoy deportatsii arмян)* [The expulsion of Armenians "forever" in 1949. Analysis and archival documents (On the 70th anniversary of the ethnic deportation of Armenians)]. Yerevan: Izd. IAE.
- Kisibekyan A. (2011) *Husher* [Memories]. Vol. 2, Yerevan: Araspel (in Armenian).
- Lehmann M. (2015) Apricot Socialism: The National Past, the Soviet Project, and the Imagining of Community in Late Soviet Armenia, *Slavic Review*, 74, no. 1 (Spring), pp. 9–31.
- Marut'yan H. (2001) «Tan surb» erevuyt'ə. Akunk'neri harc'ə ev merōrya drsevorumnerə [The Phenomenon of "Household Saints": The Question of Origin and Current Manifestations]. In: *Hayoc' srbern u srbavayrerə* [Armenian saints and sanctuaries]. Yerevan: Armeniya, pp. 337–346 (in Armenian).
- Mkrtych Armen, *Zhirayr Glents*. Yerevan: 1967 (in Armenian).
- Pamyatnik i prazdnik*. Etnografiya dnya Pobedy [Monument and holiday. Ethnography of Victory Day], by ed.: M. Gabovich. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.
- Pobol' N.L., Polyan P.M. (2005) *Stalinskiye deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953]. Moscow: MFD: Materik.
- Pohl J.O. (1999) *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Polyan P. (2001) *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not of their own free will... History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: O.G.I.

- Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press.
- Rumbaut R.G. (1991) The Agony of Exile: A Study of the Migration and Adaptation of Indochinese Refugee Adults and Children. In: *Refugee Children: Theory, Research, and Practice*. Eds.: Frederick L. Ahearn, Jr. and Jean Athey, Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 53–91.
- Shagoyan G. (2022) «Natsional'noye po sodержaniyu i sotsialisticheskoye po forme»: palimpsest memorialov sovetsoy Armenii [“National in content and socialist in form”: a palimpsest of memorials to Soviet Armenia], *Armenyanskiy gumanitarnyy vestnik*, 9, pp. 122–144.
- Shagoyan G. (2022) Ch'matnelu hamar patzhvatsnery. Khmbagri koghmits' [Those punished for not betraying. By the editor]. In: Tigran Sargsyan, *Ch'matnogh kanayk'* [Women who do not betray]. Yerevan: IAE press, Heinrich Boll Foundation, pp. 11–36 (in Armenian).
- Shagoyan G.A. (2021) Kul'turnaya vs. kollektivnaya travma: memorializatsiya sovetsskikh repressiy v postsovetsoy armenii po modeli pamyati o genotside [Cultural vs. Collective Trauma: Memorialization of Soviet Repressions in Post-Soviet Armenia Based on the Genocide Memory Model], *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya – Siberian Historical Research*, 2, pp. 73–98.
- Tonoyan P. (2008) *A Mi kyanq* [Life]. Yerevan (in Armenian).
- Zemskov V.N. (2016) *Vozvrashcheniye sovetsskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952* [The Return of Soviet Displaced Persons to the USSR. 1944–1952]. Moscow-St. Petersburg: Institut rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives].
- Zemskov V.N. (2018) *Stalinskaya epokha. Ekonomika, repressii, industrializatsiya. 1924–1954* [The Stalin Era. Economy, Repressions, Industrialization. 1924–1954]. Moscow: Veche.

**Сведения об авторе:**

**ШАГОЯН Гаяне Арутюновна** – ведущий научный сотрудник, отдел антропологии современности, руководитель Центра устной истории, Институт археологии и этнографии НАН РА (Ереван, Армения). ORCID: 0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

**Information about the author:**

**Gayane A. Shagoyan**, Institute of Archaeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences (Erevan, Armenia). ORCID: 0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

**The author declares no conflict of interests.**

*Статья поступила в редакцию 14 июня 2025;  
принята к публикации 9 августа 2025.*

*The article was submitted 14.06.2025;  
accepted for publication 09.08.2025.*